

Виталий Бернштейн

Осень в Бостоне

Виталий Бернштейн

Осень в Бостоне

«Автор»

1996

Бернштейн В.

Осень в Бостоне / В. Бернштейн — «Автор», 1996

© Бернштейн В., 1996

© Автор, 1996

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виталий Бернштейн

Осень в Бостоне

Глава первая

А осень в этом году выдалась, действительно, золотая. Дни стояли солнечные, теплые, тихие. По ночам, правда, холодало, все-таки конец октября. Но заморозков еще не было. Клен за окном, старый, с корой, изборожденной глубокими морщинами, медленно ронял яркожелтые листья. Падая, они плавно кружились в воздухе, а потом, поворочавшись немного, чтобы улечься поудобнее, затихали на пожухлой траве.

Клен рос на полянке, что протянулась вдоль одной стороны этой короткой, тупиковой улочки, покрытой потрескавшимся, уже не первой молодости, асфальтом. А на противоположной стороне стояли всего два дома, задами они смотрели прямо в лес. Живя здесь, в Рэндолфе, одном из зеленых пригородов Бостона, Городецкий все не переставал умиляться трепетному чувству близости к природе. В «той» жизни типичный горожанин, коренной москвич, решившись на эмиграцию семнадцать лет назад, он поначалу попал в Нью-Йорк, не менее шумный и грязный, чем Москва. Математик с кандидатской степенью, Городецкий устроился там после долгих мытарств на работу простым программистом. А через несколько лет перешел уже с повышением в другую компанию, в Бостоне, стал прилично зарабатывать и обзавелся этим вот домиком.

Как же быстро канули семнадцать лет... Все силы и время были посвящены одной цели – преодолеть трудности, утвердить себя в новом, неведомом мире. Каждый раз думалось: вот еще одна преграда, а за ней наступит, наконец, настоящая жизнь. Но за взятой преградой объявлялись другие. И не успел оглянуться, как уже шестьдесят пять, уже три месяца на пенсии. Городецкому вспомнилось вычитанное где-то, кажется, у Солженицына, описание голодных эков в лагере. Получив пайку, одни, жадно давясь, мгновенно проглатывали ее – обычно такие быстро «доходили». А другие, опытные, медленно жевали каждый кусочек, мяли его языком, подсаживали щеками, долго перекачивали во рту, стараясь сполна насладиться и вкусом, и запахом. Вот так бы человеку относиться к отпущенной жизни, просыпаясь каждое утро с убеждением, что наступивший день и есть самый главный, неторопливо и мудро впитывая его в себя минута за минутой, наслаждаясь и полуденным полетом шмеля к раскрытому зеву цветка, и вспышкой вечерней зарницы вполнеба, и женским шепотом на ночной подушке. Вот так бы... А он все куда-то спешил. И самая лучшая пора жизни, оказывается, давно позади.

Невысокий, худощавый, с седым ежиком на голове, в одних трусах (он только что проснулся), Городецкий вздохнул, почесал волосатую грудь. Но не в его характере было долго предаваться грусти, все равно от нее никакого проку. Да, если честно, и ныть-то грех. Здоров, для своих шестидесяти пяти достаточно бодр, есть пенсия, есть этот маленький домик. Вот и научись радоваться каждому дню. Жизнь, она продолжается...

Отойдя от залитого солнечным светом окна, Городецкий поприседал немного, помахал руками – это означало у него утреннюю зарядку. Потом босиком проследовал на кухню. Он считал, что ходьба босиком полезна, так как предупреждает простуду. Пол в домике всегда был безукоризненно чистым. Городецкий принадлежал к той редкой породе холостяков, жильё которых пусть и не отмечено женским уютом, но зато поражает стерильной чистотой и порядком.

На кухне, возле пустой кормушки его уже ждал котенок. Шерстка на голове, спине и боках котенка была черной с серыми подпалинами, а на груди, брюшке и кончиках лапок – белоснежной. Котенок сидел, не шевелясь. Глаза, не мигая, с обидой смотрели на Городецкого.

– Сейчас, сейчас, Лука, – заторопился тот. – Тебе завтракать пора, а негодный хозяин заспался...

Городецкий достал из холодильника большую консервную банку с кошачьей мордой на этикетке. Переложить консервы в кормушку было не так-то просто. Приходилось все время отпихивать котенка, который, норовя выхватить кусочек, крутился возле кормушки и сладострастно мяукал.

Имя для него Городецкий взял из своего далекого московского детства. Там, в шумной коммунальной квартире, где они с мамой занимали одну комнату, жила в длинном коридоре «ничья» кошка по имени Лукерья. Поначалу Городецкий так и назвал котенка. Но потом, обнаружив, что явно ошибся, переделал Лукерью в Луку...

Котенок припал, наконец, к кормушке. Сидя на корточках, Городецкий погладил мягкую, вылизанную до блеска шерстку.

Котенок был приبلудный. Он стал для Городецкого любовью с первого взгляда. Как-то, месяца полтора назад, открыв дверь на крыльцо, Городецкий обнаружил там это маленькое, жалобно мяукающее существо. К шерстке прилипла лесная паутина, на хвосте торчал большой репей. Видимо, удрав от хозяев, котенок долго блуждал по лесу. На всякий случай Городецкий наведился тогда к соседнему дому. Возившийся во дворе верзила с длинным бугристым шрамом поперек правой щеки подошел к калитке, смерил Городецкого с котенком на руках подозрительным взглядом, буркнул, что они никаких животных не держат. И калитка захлопнулась. Довольный Городецкий понес котенка к себе.

Раньше этот большой, дорогой дом – не чета домику Городецкого – принадлежал приветливой пожилой паре. Но полгода назад, выйдя на пенсию, те переехали во Флориду, а дом продали. С новыми соседями Городецкому познакомиться еще не довелось, они оказались какими-то нелюдимыми. После покупки весь участок вокруг их дома был сразу же обнесен высоким глухим забором. Роскошная машина соседей, большой черный «кадиллак», тянула так тысяч на сорок – никакого сравнения с дешевеньким «эскортом» Городецкого.

На днях, проходя со своим дружкой Ваней Белкиным мимо соседского дома, Городецкий увидел «кадиллак», выезжавший из ворот. За рулем был тот самый верзила, а сзади – пара, он и она. Ближе к Городецкому, у открытого бокового окна сидел мужчина. Несмотря на теплую погоду, он был в плаще с поднятым воротником. Из-под шляпы с обвисшими полями выбивались густые, давно не стриженные волосы цвета соли с перцем. Такого же цвета были широкие усы. Городецкий, как и положено воспитанному человеку, поздоровался с соседом. Тот скользнул по Городецкому пустым взглядом; нажав кнопку на подлокотнике, поднял боковое дымчатое стекло. «Кадиллак» укатил.

Ваня Белкин, наблюдавший эту сценку, присвистнул.

– Ну, и жлобы достались тебе в соседи!

Помнится, потом, сидя на кухне у Городецкого и выпивая по маленькой, они даже поспорили. Ваня, как всегда, сделав из единичного случая широкие обобщения, обличал американцев в черствости и бездуховности. Городецкий, напротив, в смысле внешней культуры ставил их намного выше среднестатистического «совка».

– Ах, учтивые американцы обязательно спрашивают при встрече, как ты поживаешь, – кипятился Ваня. – И не вздумай по наивности рассказывать. Им, заикленным только на себя, это абсолютно неинтересно!

Размахивая пустой рюмкой, зажатой в могучем кулаке, Ваня тогда разгорячился. А Городецкий лишь посмеивался в ответ. В былые московские времена он и сам предпочитал такую вот манеру безоглядного выяснения правды-матки. Но, пожив в Америке, научился обсуждать сложные вопросы, избегая категорических ноток, а в случае, если собеседника убедить не удастся, миролюбиво уводить разговор в сторону. Ведь это – тоже признак внешней культуры.

Ване, пожалуй, было до этого еще далеко. Что не мешало Городецкому с искренней дружбой относиться к Ване.

Как и Городецкий, тот эмигрировал в «застойные», брежневские годы. Но не из Москвы – из Одессы. Они познакомились здесь, в Рэндолфе. Как-то в местном супермаркете Городецкий услышал за спиной русскую речь. Повернувшись, увидел маленькую, хрупкую женщину и двух крепких мужиков, пожилого и молодого. Женщина распоряжалась, а мужики послушно ходили по рядам, отыскивая то, что следовало купить. Городецкий подошел, сказал по-русски: «Здравствуйте». Те сразу заулыбались в ответ. Это и был Ваня со своим семейством – женой Ритой и сыном Павликом.

Городецкий как-то удивительно быстро сдружился с ними. Когда минувшей весной он простыл и расхворался, Рита готовила для него особые, целебные бульоны, а Ваня приносил эти бульоны, ходил за лекарствами в аптеку. Милые люди... Ваня был на девять лет моложе Городецкого, пенсия еще не скоро. Английский неважный, да и специальности, считай, никакой – окончил когда-то институт физкультуры, работал в одесском «Буревестнике» тренером по борьбе. В новой стране, трезво взвесив свои возможности, Ваня подался в таксисты. Рита тоже подрабатывала – давала уроки фортепианной игры. Скромно, но перебивались, на вэл-фере этом и дня не сидели. А после того, как Павлик закончил колледж и сам стал зарабатывать, почувствовали себя почти богачами. Сегодня Ваня вкалывал – гонял где-то там по Бостону свое такси.

Накормив котенка, Городецкий принял душ и приступил к ответственной процедуре – приготовлению утреннего кофе по собственному рецепту. Размолот кофейные зерна, порошок высыпал в большую стеклянную чашку, залил холодной водой. Добавил туда чайную ложку сахара и пару тоненьких ломтиков лимона. Поставил чашку в микроволновую печь. Через минуту вынул чашку, перемешал ложкой содержимое и поставил обратно. Теперь следовало быть начеку. Когда коричневая пена, грозно вспучиваясь, устремилась к краю чашки, Городецкий нажал на кнопку, выключил микроволновку. Кофе готов, пусть отстоится.

И тут зазвонил телефон. Это был Ваня – легок на помине.

– Ефимыч, уже начало десятого – ты встал, надеюсь?.. А я с шести за баранкой. Из забегаловки звоню, заскочил на минутку кофе хлебнуть... Только ему далеко, конечно, до твоего кофе... Слушай, я тебе почему звоню – тут в центре, в даунтауне ихнем, что-то серьезное случилось. Знаешь остановку сабвея на углу Парк стрит и Тремонт стрит?.. Десять минут назад я хотел отсюда проехать к Южному вокзалу, с утра там пассажиров всегда навалом, которые с пригородных поездов... Но обе улицы – и Тремонт, и Парк – перекрыты, полно машин «Скорой помощи», полицейских машин. Ты пошуруй по телевизору – может, что-то об этом уже есть в новостях. А я тебе позднее перезвоню...

Городецкий включил телевизор, нашел канал, по которому в течение дня регулярно передавали местные новости. Показывали какой-то дурацкий телесериал для домохозяек. На экране герои сериала упражнялись в примитивном остроумии, а за экраном периодически раздавался бодрый хохот, чтобы тупоумный зритель знал, когда ему должно быть смешно. «Все-таки, критикуя американцев, Ваня иногда прав, – подумал Городецкий. – Действительно, передача для идиотов».

Вдруг хохот оборвался, экран на мгновение погас; потом на нем появился телеведущий, знакомый Городецкому по вечерней программе новостей. Но в отличие от вечерней программы его лицо сейчас было без грима и, наверное, поэтому выглядело бледным, постаревшим.

– Мы вынуждены прервать на минуту демонстрацию телесериала, – торопливо заговорил тот. – Только что получено сообщение о массовом отравлении пассажиров сабвея неизвестным газом. Это случилось двадцать минут назад одновременно во всех шести вагонах поезда на подходе к станции «Парк стрит». По словам потерпевших, в воздухе внезапно появился сладковатый запах. От него перехватывало дыхание, начинались рвота, судороги, у некоторых

наступила потеря зрения. По предварительным данным, многие пассажиры найдены в вагонах в бессознательном состоянии. Есть погибшие. Сейчас на станции «Парк стрит» работают спасательные бригады; ФБР приступило к расследованию. Наша телевизионная группа – на пути к месту трагедии. Всю новую информацию мы будем сообщать вам немедленно по ее поступлении...

И на экране опять забегали герои дурацкого телесериала. Городецкий покачал головой. Да, в этом сумасшедшем мире не соскучишься. Уже который раз города Америки сотрясаются от террористических актов с массовыми жертвами. Теперь, видать, пришла очередь Бостона.

Что-то мягкое и теплое потерлось о босую ногу Городецкого. Это был Лука. Поев, он никогда не забывал поблагодарить. Славное существо. А кофе, конечно, давно остыл, придется разогреть...

Глава вторая

Родители надеялись, что после колледжа Павлик продолжит образование в юридической школе, станет обладателем престижного адвокатского диплома. Но школа эта требовала больших денег. Чтобы подзаработать, Павлик решил на пару лет сделать перерыв в учебе. Пройдя краткосрочные курсы, он стал полицейским. Кстати, опыт работы в полиции будет немаловажен и в его будущей адвокатской практике. Работа оказалась не такой и трудной – патрульная служба на скоростных шоссе, где надо было следить за порядком, штрафовать водителей, нарушающих правила, составлять протоколы и оказывать помощь при автомобильных авариях.

Сегодня Пол Белкин патрулировал на автостраде номер девяносто, что, начинаясь в центре Бостона, прямой линией уходит на запад, в сторону Олбани, столицы штата Нью-Йорк. Заканчивался без особых происшествий утренний час пик, когда в восемь пятьдесят шесть поступил приказ – срочно следовать к станции сабвея «Парк стрит». Полицейская машина Пола резко набрала скорость, над широкой автострадой в ясном осеннем воздухе поплыл тревожный вой сирены. Идущие впереди автомобили торопливо принимали вправо, освобождая левую полосу...

Возле станции «Парк стрит» уже стояло несколько полицейских машин. С включенными мигалками на крыше подъезжали машины «Скорой помощи». По ступенькам на поверхность выбирались шатающиеся, бледные пассажиры. Санитары выносили тех, кто сам уже не мог идти. У выхода, на тротуаре, стояли в ряд носилки. На них лежали пострадавшие, дышали часто, судорожно. Кое-кто уже не дышал.

Всем распорядился рыжеволосый крепыш с карточкой ФБР, прикрепленной к лацкану серого мешковатого пиджака. Пол вспомнил, что видел его как-то в их полицейском управлении. Это был Кристофер Стивенс, начальник отдела по борьбе с терроризмом при Бостонском управлении ФБР.

Пол подошел, доложил:

– Пол Белкин. Из полиции штата Массачусетс.

Стивенс обернулся, торопливо спросил:

– Это твоя машина?.. Разверни ее поперек Тремонт стрит – там уже одна есть. Надо перекрыть движение, оставь только узкий проезд для машин «Скорой помощи». Потом пойдешь вниз с Арчи, моим помощником. Произошло массовое отравление пассажиров каким-то газом... А впрочем, Арчи уже спустился... Разворачивай машину, и пойдём вниз вместе. Понесешь вон ту сумку...

Одолжив у санитаров матерчатые маски, прикрывавшие нос и рот, Стивенс и Пол спустились на платформу. Воздух там, вроде бы, уже был чистым. В первом вагоне, куда они зашли, санитары «Скорой помощи» подымали с пола и укладывали на носилки двух пассажиров, потерявших сознание. Видимо, прежде тех рвало – лица были измазаны слюзью и комками непереваренной пищи. В углу вагона еще один пассажир сидел, откинувшись на спинку скамьи. На мертвенно-бледном лице – широко открытые глаза, зрачки сужены до размеров точки. Руки безжизненно свисают с сиденья; на левом безымянном пальце – золотое кольцо с какой-то монограммой.

Стивенс подошел ближе.

– Мертв... А это что такое? – он заглянул под сиденье; там лежала на боку пластмассовая канистра, обернутая газетой; в открытую дверь Стивенс высунул голову на платформу, громко крикнул: – Арчи, иди сюда!

В вагон поднялся запыхавшийся Арчи с фотоаппаратом в руках. Он выглядел всего лет на пять старше Пола, но на макушке, среди белесых волос, уже проступала отчетливая лысина. Под разными углами Арчи сфотографировал труп и лежащую на полу канистру.

Стивенс достал из сумки, которую нес Пол, резиновые перчатки, надел их и пошарил рукой по полу под сиденьем. Нащупав пробку, он закрыл ею горловину канистры, тщательно закрутил. Канистра была уложена в один из больших пластиковых мешков, тоже оказавшихся в сумке Пола. На куске белой липкой ленты, приклеенной снаружи к мешку, Стивенс написал цифру «1» – номер вагона. Потом он проверил карманы погибшего – они были пусты, никаких документов.

То же самое повторилось в остальных вагонах. В каждом где-нибудь под сиденьем обнаруживалась открытая канистра, завернутая в газету, а возле, на сиденье, – труп. Всего три мужских трупа и два женских. Только в последнем, шестом, вагоне сиденье, под которым валялась канистра, было пустым. Стивенс быстро подошел к санитарам – у соседних дверей те возились с пожилой задыхающейся дамой; она лежала на полу, густая слизь вытекала из угла ее рта.

– Зачем вы забрали труп с того сиденья? Я ведь распорядился – помогайте живым, а мертвых не трогать!

Санитар бросил взгляд в ту сторону, куда указывал палец Стивенса.

– Сэр, мы зашли в вагон десять минут назад; в том углу никакого трупа не было...

Стивенс обернулся к Арчи:

– Слышал?.. Вот первая задачка. Какую роль могли играть люди, сидящие возле открытых канистр в первых пяти вагонах?.. Одно из двух. Или это – ничего не подозревавшие жертвы, которые погибли в первую очередь потому, что были ближе всех к источнику отравления. Тогда как убийцы, внезапно открывшие под сиденьем канистры, имели какой-то шанс отбежать, задержав дыхание, в другой конец вагона и в распахнувшиеся двери первыми выскочить на платформу и далее на улицу. Или же, напротив, наши мертвецы как раз и были теми самыми камикадзе, которые отвинтили пробки.

– Мне кажется, эту версию нетрудно проверить, – отозвался Арчи, почтительно глядя в глаза начальника. – Надо сравнить отпечатки пальцев у трупов и, соответственно, на пробках.

– Конечно... Предположим, что отпечатки совпадут. Тогда сразу же возникает вопрос, как найти человека, открывшего канистру в этом, шестом, вагоне. Если тот еще жив, он мог бы дать нам важнейшую информацию.

– Сэр, могу я сказать? – Пол робко высунул голову из-за плеча Арчи.

С веселым удивлением Стивенс бросил на него взгляд из-под рыжих бровей.

– Сэр, у трупов в предыдущих пяти вагонах есть одно общее: у каждого на левом безымянном пальце золотое кольцо...

– Золотое кольцо на этом пальце носит половина американцев; значит, человек состоит в законном браке.

– Но это не обычные обручальные кольца, сэр, – на каждом одна и та же монограмма...

– Ну-ка, пройдемся еще раз по вагонам, – оживился Стивенс.

Действительно, у всех пяти трупов были кольца с одинаковой, выполненной чернью, монограммой: две переплетенные буквы «АТ», а сбоку – человеческая фигурка с распахнутыми крыльями за спиной.

– Похоже, наши мертвецы водили одну теплую компанию, – задумчиво сказал Стивенс. – Арчи, сфотографируй кольцо крупным планом... Раздашь потом фотографии всем членам нашей следственной группы. Будем искать обладателя такого кольца из шестого вагона.

Они стояли на платформе в голове поезда. Тускло светили пыльные лампочки под потолком. Санитары, стуча по ступеням тяжелыми ботинками, выносили на улицу последних пострадавших.

– Значит так, Арчи... Уточни адреса всех больниц, куда могут поступить сегодня пострадавшие. Наши ребята, надеюсь, уже заканчивают предварительный опрос пассажиров у выхода. Потом пусть едут по этим адресам и начинают формальный допрос тех пострадавших, которые в сознании. Не вспомнят ли что-нибудь интересное. А заодно пусть ребята поглядывают и на

руки пострадавших – вдруг заметят кольцо, которое мы ищем... Кстати, среди пострадавших, что лежат на носилках наверху, несколько уже скончались. Не исключено, что в ближайшие часы трупов станет больше. Поэтому кто-то из наших должен также посетить морги – может, обладатель такого кольца обнаружится там... Действуй!

Арчи трусцой побежал наверх. Стивенс повернулся к Полу, хлопнул его по плечу.

– Слушай, парень, уж ты извини – я запомнил, как тебя зовут.

– Пол Белкин.

– Белкин... Я такой фамилии никогда не слышал.

– Мои родители приехали из бывшего Советского Союза. Семнадцать лет назад. Мне было тогда шесть лет.

– Ты, наверное, и по-русски говоришь? Это неплохо... А что ты делаешь в полиции?

– Патрулирую на скоростных шоссе, сэр.

– Слушай, Пол. Я попросил откомандировать в мое распоряжение десяток ребят из полиции только на это утро, чтобы помогли в первые, самые суматошные часы. Дальше мы будем раскручивать это дело сами... Но ты мне понравился. Хочешь, я договорюсь, чтобы тебя передали в мою группу до конца расследования?

– Да, сэр, – радостно выдохнул Пол.

– Тогда не называй меня «сэр». Ребята зовут меня просто Крис... А теперь беги наверх. Там Арчи будет сейчас раздавать адреса больниц.

Глава третья

Позавтракав, Городецкий затеял сперва небольшую постирушку. Потом, вытащив мокрое белье из стиральной машины, развесил его на протянутой во дворе веревке. На это время во двор был выпущен и котенок. Из старого кожаного ремешка Городецкий сделал для котенка ошейник. К ошейнику цеплялась тоненькая длинная цепочка, другой конец которой висел на гвоздике, прибитом к краю веранды. Ваня Белкин, смеясь, говорил, что так выгуливают собак, а не кошек. Но Городецкий отмахивался – для него было важнее, чтобы котенок не удрал опять в лес и не потерялся.

Развешивая белье, он вспомнил, что сегодня пятница, а значит, надо ехать к окулисту – забрать готовые очки, первые в жизни. Городецкий всегда гордился своим зрением, свысока поглядывал на сверстников, которые к пятидесяти, а то и к сорока обзаводились очками. Да вот все-таки и его пора приспела... Сухопарая девица, помощница окулиста, надела на Городецкого очки, бросила изучающий взгляд. Шевельнув покрытые яркой лиловой помадой губы, изобразила удовлетворенную улыбку. Городецкий подошел к висевшему на стене зеркалу – массивная черная оправа, широкие линзы, сквозь них предательски проступает сеть мелких морщинок под глазами.

Отраженная в зеркале входная дверь офиса открылась за спиной Городецкого. Он увидел худенькую фигурку Риты, жены Вани Белкина. Войдя, та прищурила свои добрые, близорукие глаза:

– Ой, Семен Ефимович, тебя в очках и не сразу признаешь. А я звонить тебе сегодня собралась, все по тому делу... Погоди минуточку, только запишусь на прием.

Последнее время Рита принимала деятельное участие в устройстве холостяцкой судьбы Городецкого. «Ну вот, опять будет кого-нибудь сватать» – смятенно подумал он. Пару недель назад, пригласив на Ванин день рождения, Рита как бы невзначай усадила за столом Городецкого рядом с внушительной дамой лет пятидесяти, своей давней знакомой еще по Одессе. «Агнесса Ароновна» – представилась та и церемонно протянула пухлую ладошку. На рыхлом лице дамы отчетливо проступали черные усики. Разговор с ней сразу навел на Городецкого тихую тоску. Преуспевающий американский врач, Агнесса Ароновна важно поведала Городецкому о своих заботах – в какой вид недвижимости лучше вкладывать деньги и каким образом скостить по возможности непомерно раздутые государством налоги. Она ела много и с аппетитом, к усикам приклеилась капелька майонеза. Когда вышли из-за стола, Городецкий удрал от нее в другой угол комнаты, достал с книжной полки любимую Ванину книгу «Жизнь двенадцати цезарей» Светония, стал сосредоточенно перелистывать...

Записавшись на прием, Рита подошла к Городецкому.

– Пожалуйста, Семен Ефимович, не кори меня за тот день рождения. Когда вы уселись рядом за столом, я присмотрелась... Нет, тебе не такая нужна. Агнесса, конечно, богатая невеста, да ведь не в одних деньгах счастье.

– Риточка, а ты уверена – мне, действительно, так уж надо жениться?

– Чего же хорошего болтаться неприкаянному? Ведь не молоденький. Главное – найти человечка по душе... Слушай, я тут познакомилась с одной милой женщиной. Из Белоруссии. Там она в школе литературу преподавала. Здесь работает секретаршей в какой-то небольшой компании. Лет под пятьдесят, как и Агнессе, но совсем на Агнессу не похожая – худенькая, мягкая, женственная. А чистюля какая, подстать тебе... Мужа потеряла четыре года назад – гнал машину под дождем, разбился, бедняга. Дочка этим летом замуж выскочила. Я ей, Верочке, про тебя намекнула. Вот на бумажке телефон ее, обязательно позвони. Вдруг и приглянетесь друг другу. Тогда, как и положено, – Рита засмеялась, – свахе отрез на платье подадите...

Навстречу «эскорту» пробегали за его окном тихие зеленые улочки Рэндолфа. Пешеходов почти нет, все передвигаются на машинах... «А может, и в самом деле позвонить этой Верочке? – вяло думал Городецкий. – Хотя, всего вероятнее, еще одно `не то` получится. Поздновато, пожалуй, семейную жизнь начинать».

До эмиграции рядом с Городецким всегда была его мама. Отца он помнил плохо – отца убили на фронте в сорок втором. Женщина умная, волевая, мама никогда не вмешивалась в сердечные дела сына. После того, как Городецкий защитил кандидатскую, поднакопил денег, переехал с мамой в духомнатную кооперативную квартирку на Каширском шоссе, там появлялись иногда его подружки. Проводив такую гостью, Городецкий всегда интересовался потом маминым мнением. Но та уходила от прямого ответа, пожимала плечами, говорила, что решать надо самому. И Городецкий понимал – значит, мама не в восторге. Ореол очередной кандидатки на руку и сердце почему-то быстро тускнел.

Стряслась, правда, у Городецкого однажды большая любовь в Москве. Тут, наверное, он и к маме не прислушался бы. Да вот беда – любовь эта, Мариной ее звали, замужем была. Встречались они тайком. И случилась такая история. Муж ее (то ли Славиком она его звала, то ли Стасиком?) поехал на два дня, субботу и воскресенье, в Коломну, родителей проведать. А храбрая Марина на субботу пригласила Городецкого к себе. К вечеру, после долгого горячего дня вдвоем, они сидели, обнявшись, на диване, уже вполне одетые. Городецкий читал ей стихи, свои и чужие.

И вдруг, как в дурацком анекдоте, повернулся ключ в замке, открылась дверь квартиры. И вошел Славик-Стасик. Потянуло его зачем-то домой раньше срока. Так и замер, растерявшись, у порога. Городецкий помнит, как где-то подспудно шевельнулось в его душе чувство вины перед этим сразу побелевшим мужиком. Городецкий поднялся с дивана, тихо спросил Марину: «Уходим?» Ушла бы – и составила, как говаривали в старину, счастье его жизни. Но она отрицательно качнула головой, не отрывая глаз от мужа. Городецкий обошел застывшую «статую командора», притворил за собой дверь. Потом, слышал, они быстро помирились. А у Городецкого через год мама от инфаркта умерла, рассыпался его привычный мир, и он махнул в эмиграцию...

Подъезжая к дому, Городецкий увидел в окне котенка. Тот сидел на подоконнике, ждал, как всегда, хозяина. На кухне Городецкий еще раз мысленно прошелся по своим скучным хозяйственным делам. На сегодня, кажется, ничего больше не запланировано. Значит, можно предаться любимому делу – сесть за стол, водрузить на нос новые очки, достать листки с последним, недописанным стихотворением.

Пробовать себя в поэзии он начал еще в студенческие годы. Но никогда не относился к этому серьезно, не ожидал ни славы, ни денег, просто писал, когда писалось. По журналам свои стихи не рассылал – боялся отказа, щелчка по самолюбию. Хранил их в тонкой папочке, под настроение читал друзьям. Порой, переписав поразборчивее, дарил знакомым девушкам.

Обычно новое стихотворение начинало в нем свою жизнь исподволь, незаметно. Посреди самого банального разговора, или когда Городецкий, задумавшись, вел машину, или в наступившем полусне – неожиданно из глубины сознания всплывала первая строчка, потом она пропадала куда-то, потом снова появлялась. Возникла потребность найти вторую строчку. Городецкий писал, не спеша; если внутренний стимул затухал, он откладывал начатое – иногда на недели, месяцы. Потом неожиданно этот таинственный стимул появлялся опять, и мучительно-радостная работа над словом возобновлялась. В современной русской поэзии ему мало кто нравился, мода на словесное жонглирование, за которым – ни чувства, ни мысли, вызывала раздражение. Как и всякий уважающий себя автор, свои стихи он считал, конечно же, лучше (если бы считал хуже – и писать не стал).

Нынешние стихи тоже зародились как-то сами собой. Выглянув утром в окно, за которым старый клен на полянке недвижно простирал бугристые ветви, покрытые еще кое-где золотом

листьев, увидев солнечную прохладную синеву неба, Городецкий благодарно прошептал: «Ах, какая осень золотая...» Прямо перед окном тянул из-под крыши почти невидимую нить паучок, шевелил в воздухе лапками, опускался все ниже... И всю неделю потом, а за ней и вторую это осеннее великолепие не менялось. Подходя по утрам к окну, Городецкий слышал, как внутренний голос грустно и умиленно повторял те же слова: «Ах, какая осень золотая...» И он вдруг понял – это же стучится первая строчка, пятистопный хорей.

За прошедшие дни стихотворение было вчерне написано. Но некоторые слова еще царапали ухо, казались приблизительными – тут стоило поработать. Стихотворение получилось небольшим, пять строф. Городецкий не любил многословия. Лирическое стихотворение хорошо, если, обозначив тему и вызвав эмоциональный настрой в душе читателя, обрывается в той волшебной точке, где читательскому воображению еще предстоит что-то довоссоздать самому.

Почерканные листки лежали на столе. Городецкий почти к ним не прикасался. Поиск слов шел медленно. Городецкий перебирал их, мысленно ощупывал, менял местами, ударял друг о друга, прислушиваясь к протяжному звону... Нет, третья строчка не тянет: «С тихим вздохом листья облетают...» Сколько уже вздохов свершилось в поэзии – избыто... «Кувыркаюсь, листья облетают»?.. Слово «кувыркаюсь» помогает зрительно представить падающий лист. Но ведь кувыркаются акробаты – в цирке, под мажорную музыку оркестра. А настрой стихотворения отнюдь не мажорный... «Как уныло листья облетают»?.. Нет. «Как послушно»... «Как покорно»... «Как подранки»... Стоп... «Как подранки, листья»? Да! И настрой верный, и зрительный образ схвачен. Так птица-подранок в первые мгновения после выстрела еще смятенно цепляется крыльями за воздух, пытается планировать, но уходит кровь из раны, уходят силы – и тело неудержимо устремляется к земле... Кажется, то, что нужно. Пошли дальше...

Часа через два Городецкий вспомнил, что пора кормить котенка. Но тот куда-то подевался. Городецкий прошелся по комнатам, заглядывая во всякие укромные уголки; увидев приоткрытую дверь на чердак, забрался и туда. Лука, свернувшись в клубок, безмятежно спал на пятне солнечного света под чердачным оконцем...

Покормив котенка, Городецкий вынул из холодильника и разогрел остатки вчерашнего обеда, перекусил сам. Белье во дворе уже высохло. Он снял его с веревки, выгладил, рубашки повесил на плечики в стенной шкаф.

В пять, вспомнив об утренних событиях в сабвее, Городецкий включил телевизор. Все тот же телеведущий, что и утром, но только помолодевший, с хорошо наложенным гримом, передавал первую вечернюю сводку новостей. Он повторил сообщение о трагедии на станции «Парк стрит», дополнил его новыми деталями:

– По предварительным данным, число погибших возросло к этому часу до тридцати одного. Свыше сотни пострадавших госпитализированы. Сотрудники ФБР, ведущие расследование, воздерживаются от комментариев, считают их преждевременными. Нашему корреспонденту удалось, однако, узнать, что газ, задействованный в сабвее, принадлежит к группе так называемых нервно-паралитических веществ. Синтезированные в тридцатые годы немецким концерном «Фарбениндустри», эти вещества использовались вначале как инсектициды. Позднее нацистское командование разработало план, но так и не решилось применить их в боевой обстановке. Однако нервно-паралитические газы были все-таки нацистами опробованы – на узниках концлагерей – и показали высокую поражающую способность.

Городецкий прослушал новости, еще раз подивился человеческому безумию. Сверху на телевизоре валялась какая-то мятая бумажка. Городецкий повертел ее перед глазами. Это был телефонный номер, который Рита дала ему утром. Наверное, придя домой, он машинально вытащил бумажку из кармана, положил на телевизор. Выбросить?... Или все же позвонить?..

Негромкий женский голос отозвался после нескольких протяжных гудков, когда Городецкий уже хотел положить трубку. Преодолевая смущение, он заговорил каким-то не своим, «гусарским» тоном:

– Это Верочка? Я уж, было, подумал – вас дома нет... Только что вернулись с работы? Понятно... Вы меня не знаете. Рита Белкина, наша общая знакомая, дала ваш номер телефона. И вот я, рискованный, звоню... Городецкий. Семен Ефимович. А мама когда-то звала Сенечкой, задумчивый такой, послушный был мальчик... Рита много хорошего о вас рассказала. Может, встретимся, посидим где-нибудь в ресторанчике, поболтаем за жизнь?.. Не любите... Куда?.. Это здорово – выходит, вам поэзия нравится. Мне тоже, только не всякая... Итак, встреча с поэтом Ямпольским в Гарвардском университете... Как же, наслышан – знаменитость... За вами я хоть куда, даже на Ямпольского... В воскресенье, послезавтра, без четверти два у входа в зал?.. Маленькая черная сумочка в руке? Примета не то, чтобы очень... Ладно. А я буду держать букетик цветов. Скажем, красных гвоздик. Не для поэта – для вас... Всего наилучшего. До послезавтра.

Городецкий положил трубку, облегченно перевел дух.

Глава четвертая

Управление ФБР располагалось в центре Бостона. Его подковообразное здание огибала шумная Кембридж стрит. Из окна на шестом этаже, в кабинете Стивенса, была видна вдали Бостонская гавань. В субботу утром, в восемь тридцать, группа Стивенса была в сборе. Арчи принес из соседней комнаты недостающие стулья, поставил тесно друг к другу.

Стивенс вытащил из своего письменного стола синюю папку с бумагами. Из-под рыжих бровей обвел глазами собравшихся. Заметив Пола, скромно примостившегося у стенки, позади других, кивнул ему, как старому знакомому.

– Подведем итоги вчерашнего дня. Общее число пострадавших в сабвее – триста пятьдесят три. К счастью, у большинства отравление – в легкой форме, после оказания медицинской помощи они отправлены домой. Число погибших непосредственно в сабвее и в первые часы после этого – тридцать четыре. Еще восемьдесят шесть – остаются госпитализированными. Пятнадцать минут назад Арчи обзвонил больницы: состояние части пострадавших еще тяжелое, но, по мнению врачей, угроза для жизни миновала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.